

Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 73–86.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 73–86.

Научная статья

УДК 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-73-86>

КНЯЖЕСТВА И КНЯЗЬЯ ОБСКИХ УГРОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЛИТОГЕНЕЗА

**Елена Петровна
Мартынова**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, ep_martynova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Аннотация. В статье ставится вопрос о возможности соотнесения социально-политической организации сибирских угров середины 2 тыс. н.э. с вождеством как формой интеграции общества, предшествующей государству. Отмечается, что в отечественной историографии возникали дискуссии о характере и сущности обско-угорских (остяцких и вогульских) политий, существовавших в Нижнем Приобье, за которыми еще в XIX в. закрепилось обозначение «княжества». Автор обращается к анализу героического эпоса обских угров, который был собран и опубликован в конце XIX в. С. К. Паткановым. Фольклорные материалы сопоставляются с археологическими данными и сведениями из средневековых письменных источников. Показано, что в период, предшествующий присоединению к России, угорское общество было неоднородным и стратифицированным. Князья-вожди располагались на вершине социальной иерархии, основную массу населения представляли рядовые люди, организованные в территориально-родовые общины, внизу социальной лестницы находились рабы, рекрутируемые из военнопленных. Вожди-князья были автократическими лидерами, связанными с автохтонными родами, их власть носила наследственный характер. Князья выполняли военную и религиозно-культурную функции, тем самым объединяя и сплачивая аборигенные сообщества. Их власть носила сакральный характер. Центры княжеств – городки были не только хорошо укрепленными поселениями, но и торговыми центрами. Перечисленные выше черты позволяют оценить обско-угорские княжества как вождества. Их наиболее значимыми характеристиками были военный характер, наследственная власть, преобладание родственных связей в структуре населения, наличие социального неравенства, совмещение лидерами-князьями военных функций с судебной и религиозно-культурной.

Ключевые слова: обские угры (ханты и манси), политогенез, социальный строй, вождество, княжества, князья.

Для цитирования: Мартынова Е. П. Княжества и князья обских угров через призму политогенеза // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 73–86. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-73-86>

Сведения об авторе: Е. П. Мартынова – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-73-86>

PRINCIPALITIES AND PRINCES OF THE OB UGIANS THROUGH THE PRISM OF POLITOGENESIS

Elena P. Martynova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, ep_martynova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Abstract. The article raises the question about the possibility of correlating the socio-political organization of the Siberian Ugrians in the middle of the 2nd millennium A.D. with the chiefdom as a form of integration of society, preceding the state. It is noted that in Russian historiography there were discussions about the nature and essence of the Ob Ugrians (Ostyak and Vogul) polities that existed in the Lower Ob region, which in the 19th century was named as "princedom". The author turns to the analysis of the Ob Ugrian heroic epic, which was collected and published in the late 19th century by S. K. Patkanov. Folklore materials are compared with archaeological data and information from medieval written sources. It is shown that in the period preceding the annexation to Russia, the Ugrian society was heterogeneous and stratified. Princes-chiefs were at the top of the social hierarchy, the bulk of the population was represented by ordinary people organized in territorial and tribal communities, at the bottom of the social ladder were slaves recruited from prisoners of war. The chief-princes were autocratic leaders connected with autochthonous clans, their power was hereditary. The princes performed military and religious-cult functions, thus uniting and rallying the aboriginal communities. Their power had sacral character. The centers of princedoms - towns were not only well fortified settlements, but also trade centers. The above features allow us to evaluate the Ob-Ugrian principalities as chiefdoms. Their most significant characteristics were military character, hereditary power, predominance of kinship ties in the structure of the population, the presence of social inequality, the combination of military functions with judicial and religious-cult functions by the leaders-princes.

Keywords: Ob Ugrians (Khanty and Mansi), politogenesis, social structure, chiefdoms, principalities, princes.

For citation: Martynova, EP 2023, 'Principalities and Princes of the Ob Ugrians Through the Prism of Politogenesis', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 73–86, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-73-86> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena P. Martynova* – Professor, Doctor of Science (History), Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Martynova E. P., 2023

Введение

Исследователи все чаще рассматривают политогенез как процесс многолинейный, альтернативный, в котором присутствуют разные локальные формы политической и социальной организации [5; 15]. Проблемы политогенеза коренных народов Северного Зауралья – хантов и манси (в прошлом остяков и вогулов) – до сих пор не были предметом специального исследования. В данной статье автор ставит вопрос о возможности соотнесения социально-политической организации сибирских угров в середине 2 тыс. н. э. с вождеством как формой интеграции общества, предшествующей государству. В отечественной историографии периодически возникали дискуссии о характере и сущности обско-угорских (остяцких и вогульских) политий, существовавших в Нижнем Приобье, за которыми еще в XIX в. закрепилось обозначение «княжества». Основную информацию о них ученые берут из работ С. К. Патканова. Выдающийся исследователь Сибири в 1888 – 1889 гг. записал героические предания у южных (иртышских и кондинских) остяков, обработал, проанализировал и опубликовал собранные материалы [32; 33]. С. К. Патканов полагал, что угорский эпос, повествующий о военных походах и деяниях богатырей, позволяет реконструировать их общественное устройство периода XIII – XVI вв. Основанием для такой хронологии послужило отсутствие в текстах упоминаний о татарах и русских [32, вып. 3, с. 89].

Угорские княжества и князья в фольклорных, письменных и археологических источниках

В дорусский период «остяцкая страна» (хантыйское – *мыг, пелек*) состояла из нескольких политий – «княжеств», имевших центры в «городках», расположенных на берегах рек. С. К. Патканов насчитал 63 укрепленных городка в Тобольском округе и более 40 (со ссылкой на Н. А. Абрамова) – в Березовском [1; 33, с. 73]. В «Книге Большому Чертежу» (1627 г.) отмечено 12 городков по Северной Сосьве и Ляпину, 19 – по Нижней Оби до устья Иртыша [19, с. 168–170]. Г. Ф. Миллер, побывавший в Сибири в 1733 – 1743 гг., написал, что отряды князя Курбского и П. Ушатого, продвигаясь по низовьям Северной Сосьвы и Оби в 1499 – 1500 гг., захватили 42 городка и взяли в плен 58 князей [29, с. 63–64]. Приведенные данные убедительно демонстрируют наличие в эпоху Средних веков большого числа аборигенных городков на территории расселения обских угров.

По описанию С. К. Патканова, остяцкие городки представляли собой укрепленные поселения площадью 500 – 700 кв. саженей (2000 – 3000 кв. м), построенные на возвышенностях или мысах, обнесенные валом, частоколом или палисадом. В низовьях Оби городки были несколько меньшего размера: 70–140 кв. саженей (300 – 600 кв. м) [32, вып. 3, с. 87]. В городках проживали богатыри (военные предводители, князья) (хантыйское – *урт*), стоявшие во главе княжеств. Неподалеку от городков располагались неукрепленные поселения – *курт* или *пугот*, в которых проживали рядовые жители, именуемые в фольклорных текстах *мыгдат-ях* («земляные люди»). Данные обско-угорского фольклора и письменных источников о наличии укрепленных городков в Северном Приобье подтверждаются археологическими материалами начала и середины 2 тыс. н. э. [11; 17; 21; 30]. В современных исследованиях обращается внимание на экономическую основу возникновения и функционирования городков: их население занималось торговлей и ремеслом, они располагались по торговым путям и обеспечивали функционирование устойчивых торговых коммуникаций [35, с. 174, 176].

С. В. Бахрушин подробно описал девять угорских княжеств: Обдорское, Ляпинское, Кодское, Казымское, Белогорское, Пелымское, Кондинское, Демьянское, Бардаковское [3]. Согласно С. К. Патканову, угорские княжества насчитывали от 50 человек (3 – 10 воинов) до 500 – 1200 (100 – 300 воинов), большинство из них были

мелкими (численностью от 60 до 400 человек) [33, с. 22]. «Князцов» было больше, чем городков, нередко в одном проживало два–три правителя [32, вып. 4, с. 69]. Большинство населения проживало в неукрепленных селениях, расположенных у подножия террас, на которых находились городки. В городке располагался князь, а также «его родные, слуги и небольшая часть жителей, и только при большой опасности в них укрывался и народ» [33, с. 13]. Г. Ф. Миллер обратил внимание на оборонительную функцию городков: они должны были «во время вражеского нашествия дать безопасный приют женам и детям остяков с их лучшими пожитками» [28, с. 246]. Неукрепленные поселки, по-видимому, представляли собой сезонные промысловые поселения нескольких семей и выступали в качестве самостоятельных хозяйственных коллективов. Городок и тяготеющие к нему селения составляли общину. Можно предположить, что хозяйственные коллективы образовывались по родственному принципу, а община-городок в целом являлась объединением территориально-родового характера.

Княжества обских угров не были моноэтническими по составу жителей. Сопоставление территорий княжеств с распространением диалектов хантыйского и мансийского языков показывает, что они включали население, говорящее на разных говорах или диалектах. Так, на территории Кодского княжества были распространены кеушинский, низямский, атлымский, шеркальский диалекты; Обдорского – обдорский и шурышкарский. Ляпинское, судя по сообщению Г. Ф. Миллера, объединяло остяков и вогулов [28, с. 267]. Известно, что обдорские князья подчинили тундровых самоедов, казымские – лесных, а бардаковские – лесных ненцев и селькупов.

В обско-угорском обществе середины 2 тыс. н. э. существовала довольно ярко выраженная социальная стратификация. Фольклор, прежде всего героические былины, демонстрирует наличие в обществе богатырей-уртов, то есть князей-военачальников, их воинов-дружинников и рабов. Данные археологии свидетельствуют об иерархии и выделении элиты. В могильниках и других памятниках оронтурского и кинтусовского этапов нижнеобской культуры, а особенно потчевашской и усть-ишимской культур, встречаются погребения с богатым вооружением, палашами и саблями, с предметами конского снаряжения, поясами, украшенными наборными бронзовыми и серебряными бляхами, с импортными украшениями из серебра и с бусами, а наряду с ними – почти безынвентарные могилы. На имущественную дифференциацию указывает появление в XI – XIII вв. индивидуальных кладов вещей, в состав которых наряду с предметами местного производства входили импортные серебряные сосуды [42].

Наряду с археологическими письменные источники также позволяют выделить разные категории населения в угорских княжествах. А. Т. Шашков считал, что социальная структура кодского общества сложилась «еще задолго до прихода сюда ермаковых казаков и государевых служилых людей, но окончательно оформилась уже в период русского владычества в Сибири» [31, с. 98]. На вершине иерархической лестницы стояли «князцы» с членами семей. Основную массу населения городков составляли свободные люди. Вероятно, они несли военную службу в составе ополчения, собираемого князьями. Простолюдины, не привлекаемые к службе, платили ежегодные «поминки» – приношение князю «в почесть» пушшиной, рыбой или предметами домашнего обихода. Были в Кодском княжестве и рабы. К сожалению, об их положении и роли сказать что-либо определенное нельзя. Известно только, что основным источником рабства был плен, «погромный ясырь». Так, кондинские вогуличи жаловались в 1600 г., что со времен страшного разгрома, учененного кодичами, «жены их, и дети, и сестры, и братья, и племянники у князя Игичея и у его людей в их волостях служат в холопах шесть лет» [3, с. 28]. Во время похода на Пегую Орду кодские остяки, разграбив стойбища нарымских, «жен их и детей в полон

поимали» [3, с. 37]. Сведения о захвате в плен женщин и детей встречаются в хантских преданиях о набегах людей *хурун ёх*, жителей Коды. Помимо пленения, холопов приобретали путем купли. Так, у Степана Пуртеева были «три женки полонянки купленные» [3, с. 43].

Власть угорских князей носила наследственный характер, чему имеются многочисленные подтверждения в литературе. В сибирских летописях остяцкие и вогульские «князцы» обычно упоминаются «с родом своим». О князьях с «достоинством наследным» писал В. Ф. Зуев. В случае же отсутствия наследников князя выбирали из числа лучших и умных людей, обычно из среды богатых, которые из-за своего богатства пользовались уважением [16, с. 52]. О наличии особых княжеских родов у хантов до прихода русских упоминал Ф. Белявский [4, с. 83]. С. К. Патканов также отмечал: «Княжеское достоинство было наследственно и недоступно для простых людей» [33, с. 39]. К приведенным сведениям можно добавить, что до сих пор у нижнеобских хантов фамилии Тайшины, Артанзеевы, у кодских – Алачевы считаются княжескими, а у обдорских до сих пор сохраняется и «княжеский род» – *канясь ёх*, к которому относятся фамилии Тайшиных и Мурзиных.

С. К. Патканов полагал, что князья управляли княжествами «самовластно», хотя в былинах говорится о народных собраниях, на которых князья совещались с представителями княжеского рода и со стариками [32, вып. 4, с. 75]. И. Е. Фишер заметил по этому поводу: «Князец владел не полновластно, ибо народ имел столь же великое право на него, как он на народ; однако власть его в решении спорных дел была больше, чем у другого» [43, с. 132]. «Седоголовые старцы» пользовались большим влиянием, роль же самих собраний была скорее ритуальной, поскольку дела обыкновенно решались князьями по своему усмотрению [33, с. 73]. С. К. Патканов сравнил правление в мелких остяцких княжествах с монархическим деспотическим [32, вып. 4, с. 76].

Политическое влияние князей поддерживалось и даже усиливалось благодаря сакральным функциям. Некоторые тексты завершаются магическими призывами: «Всем тем многочисленным мужам, которые слышали, добыть в изобилии рыбу, добыть в изобилии пушной товар, всем же тем многочисленным мужам, которые не слушали, в их уши гвоздь» [33, с. 70]. С. В. Бахрушин писал о «Палтыш-болване» Алача, коим он «княжил и кодскими остяками владел». Московское правительство вернуло его кодским князьям несмотря на обращение в православную веру [3, с. 89]. Князь Самар был известен во многом благодаря религиозному значению Белогорья, привлекавшему «съезд великий». По данным Г. Ф. Миллера, здесь находилось «место поклонения некой знаменитой богине, которая вместе с сыном восседала на стуле нагая» [28, с. 247]. В записанных Паткановым былинах говорится о князьях-богатырях, которые впоследствии стали почитаться хантами и манси как духи-хранители определенных территорий.

Князья-предводители руководили ритуально-культурными действиями. Они выступали организаторами обращений к духам за помощью и устроителями жертвоприношений. Так, эмдерским богатырям неоднократно приходилось совершать жертвоприношения и обращаться к духам для поддержания у войска «спинной и брюшной силы» [33, с. 70]. Общим пиром и жертвоприношением начинались народные собрания [32, вып. 4, с. 75]. Коллективная трапеза поднимала боевой дух войска, а также, что было не менее важно, способствовала повышению престижа богатыря-военачальника.

Основная «обязанность» князей состояла в выполнении функций военачальников. Они ведали обороной своих княжеств от врагов, организовывали и возглавляли завоевательные походы в другие земли. Еще С. К. Патканов обратил внимание, что большинство былин и героических сказаний посвящены описанию походов кня-

зей (богатырей-уртов) друг на друга или против самоедов [33, с. 12]. Да и сами эпические песни называются *тарнын-ара* («военная песня»), производное от имени богини войны *Тарн* [33, с. 9]. По мнению Е. В. Переваловой, военное призвание князей первенствует над прочими социальными функциями [34, с. 32]. «Князья – писал С. К. Патканов, – представляли из себя своего рода военную касту, на обязанности которой лежало охранять страну от внешних врагов. Они участвовали в войнах не только в качестве полководцев, но, благодаря своим военным качествам, они, невзирая на свою сравнительную малочисленность, имели решающее значение в столкновениях с врагами» [33, с. 8–9]. Остальные воины особыми воинскими доблестями, вероятно, не обладали. У С. К. Патканова можно прочесть, что при виде многочисленных врагов защитниками городка овладел такой страх, «что они почти не способны были что-либо предпринять, и тогда спасение всецело зависело от храбрости князя» [33, с. 69].

О военном статусе князей свидетельствуют арсеналы, находившиеся при их дворах. Например, в арсенале кодских князей хранилось 40 панцирей, 4 лука бухарских, 50 панцирных стрел [3, с. 15]. Военная атрибутика имела на святилищах. На Большеатлымском капище хранились «два копыя железных» в «берестяной пайве», Нарыкарское было посвящено «крылатому старику – орлу», которого олицетворяли семь стрел, завернутых в ткань [3, с.21].

Побудительным мотивом военных походов была «добыча невест», что не являлось чем-то тривиальным на фоне геополитических или социально-экономических интересов княжеств, поскольку именно секс и власть (наряду с родством), согласно антропологии движения, выступают основными драйверами этничности и социальности, а прототипом путешествия был именно поход в поисках женщин [12, с. 222–234; 13, с. 14–15; 34, с. 32]. Главной целью подобных войн было повышение политического статуса городка-княжества. Завоевательные походы угорских князей не имели целью овладение чужой землей, что было отмечено С. К. Паткановым [33, с. 23]. Постранствовав в дальних местах, богатырь-урт неизбежно возвращался в свой городок с захваченными богатствами или новой женой (женами).

Угорские «князцы», как и простые люди, жили промыслами, то есть занимались рыболовством, охотой, разводили оленей [16, с. 52; 36, с. 458]. Правда, С. К. Патканов заметил, что промыслами они занимались «более для своего удовольствия, чем по необходимости» [32, вып. 3, с. 76]. Князья выделялись среди окружающих внешностью – красотой они «значительно превосходили своих подданных», один из них даже озарял комнату «наподобие утренней зари» [32, вып. 3, с. 108]. Они значительно превосходили подданных богатством. В «Описании новые земли, сиречь Сибирского царства» (1683 г.) говорится, что богатые остяцкие «князцы» имели от 100 до 1000 оленей [40, с. 74]. По Ф. Белявскому, они отличались от простого народа зажиточностью: так, у Тайшина было 5000 оленей и около 20 000 руб. [4, с. 87]. Правители носили дорогие одежды (из сукна, шелка и бархата), имели доспехи, жили в богато убранных домах [33, с. 25]. В их распоряжении имелись домашние слуги и служанки. Распространен был среди них обычай многоженства [33, с. 39]. Эти сведения позволяют согласиться с мнением Н. В. Федоровой о существовании особой культуры обско-угорской элиты (вождей, воинов, торговцев), то есть мобильной части общества. Верхушка общества находилась в постоянных контактах с соседями и поэтому легко заимствовала внешние престижные элементы культуры, предметы роскоши, инновации в вооружении [42, с. 104].

Г. Ф. Миллер обрисовал положение «князцов» следующим образом: «Я нарочно здесь не последую общему обычаю, когда такие люди, которые перед подлым народом преимущества имеют, князцами называются... Ибо известно есть, что

между ними и действительными князьями не находится никакого подобия. Все преимущество состоит в том, что перед прочими более богатства имеют или что они многоречивы и потому за умных почитаются, и простые люди в происшедших между собой ссорах за судей и за посредников принимают. Кроме сего княжеской власти над народом не имели» [28, с. 122–123]. О том, что угорские князья «творили суд и расправу», писал и П. Н. Буцинский [8, с. 10]. Известно, что после присоединения Западной Сибири к России «князьки» стали ответственными за сбор ясака в волости и наблюдали за порядком. Такие функции были формально закреплены российской администрацией за князьями согласно существующим нормам и традиции.

Политогенез и социальная структура обских угров в историографии

В дореволюционной историографии уровень развития остяков и вогулов (современных хантов и манси) оценивался в эволюционистском дискурсе. Наряду с другими сибирскими инородцами они воспринимались как примитивные, не достигшие уровня цивилизации. Их общественный строй не только в «дорусский» период, но и в последующие столетия, определялся как родовой, поэтому исследователи искали и находили в их жизни «родовые начала» и «родовой быт». Такая же парадигма господствовала в ранней советской этнографии.

Иная точка зрения о социальном устройстве обско-угорского общества накануне и в начальный период русской колонизации была высказана С. В. Бахрушиным. Следуя марксистской методологии, то есть продолжая эволюционистские традиции, историк отметил, что в XVI – XVII вв. общественный быт остяков и вогулов строился на основах родового строя, выявленного им у разных групп этих народов [3, с. 20–23]. В его работе приводятся многочисленные сведения о различных по характеру социальных объединениях сибирских угров – юртах, родах, больших семьях, сотнях, почерпнутые у авторов XVIII – XIX вв. и в архивных документах. Обратившись к работам С. К. Патканова, С. В. Бахрушин высказал мысль о зарождении у остяков и вогулов накануне присоединения к Русскому государству феодальных отношений и примитивной формы государственной организации [3, с. 20, 38]. «Остяцкие былины ... рисуют быт, в котором феодализация уже сделала большие успехи. Остяцкие князья выступают в них с очень яркими чертами мелких феодалов, власть которых уже переросла власть родовых старшин, основанную на кровной родовой связи» [3, с. 36]. Признаки «примитивного феодального строя» Сергей Владимирович обнаружил также в текстах русских летописей, в которых содержатся упоминания о княжествах, городках и князьях, оказавшихся способными оказывать упорное сопротивление отрядам казаков [3, с. 36–37]. Историк писал о наличии патриархального рабства и социальной дифференциации у приобских остяков. «Эта дифференциация не идет еще очень глубоко, но резкая разница между “лучшими”, “мощнейшими в имени” и беднотой есть, и первые используют свои преимущества для эксплуатации вторых» [3, с. 25]¹.

Работа С. В. Бахрушина породила дискуссию среди советских историков 1930-х годов. Резко против выступил Н. Н. Степанов, доказывавший, что С. В. Бахрушин сильно преувеличил уровень общественного развития остяков и вогулов, которые не достигли классового общества и продолжали жить в условиях патриархального родового строя [39]. Оппонент считал, что причина ошибки кроется в некритическом отношении Бахрушина к терминологии из документов Сибирского приказа, составленных «служилыми людьми», то есть чиновниками, представлявшими феодальное государство. Привычные им понятия, отражающие общественные институты русского государства, они «автоматически» перенесли на социальную жизнь коренных народов Сибири. В статье Н. Н. Степанова приведено множество свидетельств (в ряде случаев совпадающих с материалами, которые использовал С. В. Бахрушин) о пережитках патриархальных отношений у разных групп обских угров и даже сохране-

нии материнского права в XVIII – XIX вв. [39, с. 28–34]. В более поздней работе Н. Н. Степанов существенно приблизил свою позицию к мнению С. В. Бахрушина, написав, что к моменту присоединения к России «первобытнообщинный строй находился уже в стадии разложения; родовые единицы дробились на более мелкие патриархальные домашние общины, происходила имущественная дифференциация, развивалось патриархальное рабство с использованием рабского труда в производстве, возрастала роль военных вождей, одним из стимулов межродовых и межплеменных войн стал захват имущества» [38, с. 78].

Полемика между С. В. Бахрушиным и Н. Н. Степановым показала, что возможна неоднозначная трактовка упоминающихся в фольклорных и письменных источниках разных видов объединений, существовавших у остяков и вогулов (княжества, роды, юрты, сотни, десятки). Советские историки Сибири 1960 – 1970-х гг. придерживались мнения о том, что в «дорусский» период у обских угров протекали процессы разложения первобытнообщинных отношений, развивалась имущественная дифференциация, происходили межплеменные и межродовые войны, бывшие источником обогащения родоплеменной верхушки [6; 37].

В 1980-е гг. в рамках марксистской парадигмы появился термин «потестарность», предложенный Ю. В. Бромлеем для обозначения обществ, находящихся в стадии перехода от доклассовых к классовым [7, с. 35]. Его распространению во многом способствовали работы Л. Е. Кубеля. Понятие использовалось для характеристики неевропейских обществ на уровне предгосударственного развития, когда не прослеживалась классовая борьба и отсутствовали ключевые атрибуты цивилизации [27, с. 24]. Применительно к истории обских угров его применил В. Г. Бабаков, охарактеризовавший княжества как потестарные общности, сложившиеся под влиянием внешней опасности, основанные на территориально-этнической или территориальной основе, имевшие сложнокомпонентную структуру, включавшие различные этнические группы [2, с. 40].

В фундаментальном труде по древней истории Западной Сибири археолог М. Ф. Косарев оценил уровень развития обско-угорского общества в начале и середине 2 тыс. н. э. как период военной демократии с типичными атрибутами (наличие народных собраний, совета старейшин, появление прибавочного продукта, ведение грабительских войн и усиление военных предводителей). Это соответствовало концепции Ф. Энгельса о позднепервобытном обществе. М. Ф. Косарев видел главную причину возникновения военной демократии в таежной зоне Западной Сибири в необходимости милитаризации общества перед лицом длительно существующей военной опасности [22, с. 36]. Ю. М. Кобищанов, изучавший институт полюдьа, обнаружил его у западносибирских угров в XV – XVII вв. На основании чего оценил угорское общество как раннефеодальное, основой политической организации в котором были княжества [20, с. 76]. Как раннегосударственные образования расценивал угорские княжества А. Т. Шашков [31, с. 97].

С началом 1990-х гг. в Западной Сибири развернулись масштабные археологические исследования, благодаря которым появились новые артефакты по средневековой истории региона. Археологи обнаружили и исследовали остатки многочисленных средневековых городищ на территории Среднего и Нижнего Приобья, Северного Зауралья. Необходимость интерпретации материалов раскопок побудила ученых вспомнить концепцию С. В. Бахрушина о княжествах и обратиться к обско-угорскому героическому эпосу для реконструкции жизни в средневековых «городках». Проблема уровня социально-политического развития обществ остяков и вогулов в дорусский период и в XVI – XVII вв. вновь стала актуальной. Ее толкование в рамках марксистской, а, по сути, эволюционистской, парадигмы исчерпало себя.

В зарубежных исследованиях с 1950-х гг. было известно понятие «вождество» [46]. Вскоре благодаря Э. Сервису утвердилось его понимание как одного из исторических этапов развития общества: группа (бэнд) – племя – вождество – государство [47]. На сегодняшний день многие разделяют эту постэволюционистскую схему социально-политической эволюции. Теория вождества разрабатывалась в зарубежной политической антропологии на материалах по народам Африки, Океании, Южной, Западной, Юго-Восточной Азии, Южной и Центральной Америки. Характерные черты вождеств специалисты определяли на основе большого массива археологических и этнологических материалов.

Ученые фокусировали внимание на разных сторонах этого догосударственного института. Знаменитый американский антрополог Р. Карнейро выделял контроль верховного вождя несколькими деревнями или общинами [45, р. 45]. По Э. Сервису, «вождества имеют признаки централизованного наследственного управления, иерархический статус внутреннего устройства с аристократическим этносом, но не имеют формального, узаконенного аппарата насильственных репрессий. Это организация, по-видимому, повсеместно является теократической, а форма подчинений авторитету представляет собой форму подчинения религиозной конгрегации священнику-вождю» [48, р. 16]. Согласно И. Шапера, вождь «является организатором таких видов деятельности, которые требуют приложения усилий всего общества (война, коллективные работы, определенные типы ритуала); он часто предводительствует в сражениях... Он одновременно является и законодателем, и судьей с правом вынесения смертного приговора; ... он контролирует распределение и использование земли; ... обеспечивает бедных и нуждающихся; ... он также проводит религиозные и магические церемонии, имеющие общеплеменное значение» [49, р. 99].

Среди отечественных исследователей в числе первых «признали» вождество А. М. Хазанов и Л. С. Васильев [44; 9; 10]. Последний определил его как промежуточную форму политической структуры, «в которой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но ещё нет формального и тем более легализованного аппарата принуждения и насилия» [10, с. 182]. Большой вклад в разработку концепции вождества на примере кочевых сообществ внес Н. Н. Крадин [24; 25; 26]. Он характеризует его как социальный организм, состоящий из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, в котором проживает правитель (вождь). Последний, опираясь на зачаточные органы власти, организует экономическую, редиистрибутивную, судебную-медиативную и религиозно-культурную деятельность общества. Одним из наиболее ярких признаков вождества является наличие четкой социальной стратификации [25, с. 11, 39].

Заключение

Данные фольклора об обско-угорских княжествах и князьях, собранные и обработанные С. К. Паткановым, находят подтверждение в средневековых письменных источниках и археологических материалах, относящихся к середине 2 тыс. н. э. Средневековое угорское общество было неоднородным и стратифицированным. Князья-вожди располагались на вершине социальной иерархии, основную массу населения представляли рядовые люди, организованные в территориально-родовые общины, внизу социальной лестницы находились рабы, рекрутируемые из военнопленных. Вожди-князья были автократическими лидерами, связанными с автохтонными родами, их власть носила наследственный характер. Князья выполняли военную и религиозно-культурную функции, тем самым объединяя и сплачивая аборигенные сообщества. Их власть носила сакральный характер. Центры княжеств – городки были не только хорошо укрепленными поселениями, но и торговыми центрами. Перечисленные выше черты позволяют оценить обско-угорские княжества

как вождества. Их наиболее значимыми характеристиками были военный характер, наследственная власть, преобладание родственных связей в структуре населения, наличие социального неравенства, совмещение лидерами-князьями военных функций с судебной и религиозно-культурной.

Примечания

1. З. Я. Бояршинова считала, что С. В. Бахрушин намеренно выступил против распространённого в дореволюционной литературе мнения о неспособности северных народов самостоятельно выйти за рамки родового строя и потому завысил уровень развития обско-угорского середины 2 тыс. н. э. [6, с. 12].

Список источников и литературы

1. *Абрамов Н. А.* Описание Березовского края // Записки Русского Географического Общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 329–448.
2. *Бабаков В. Г.* Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // Советская этнография. 1988. № 3. С. 36–47.
3. *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI – XVII веках. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1935. 92 с.
4. *Белявский Ф.* Поездка к Ледовитому морю. М.: Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1833. 274 с.
5. *Бондаренко Д. М.* «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы) // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 198–206.
6. *Бояршинова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации (виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения) : спец. курс по истории народов Сибири для студ.-заочников ист. фак. ун-та. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1960. 151 с.
7. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
8. *Буцинский П. Н.* Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков: Тип. губ. правления, 1893. 93 с.
9. *Васильев Л. С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157–175.
10. *Васильев Л. С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 172–186.
11. *Викторова В. Д.* Памятники лесного Зауралья X – XIII вв. н. э. // Ученые записки Пермского университета. 1968. Вып. 191. С. 240–256.
12. *Головнёв А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН : Волот, 2009. 496 с.
13. *Головнёв А. В.* Антропология путешествия: от imago mundi до selfie // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 6–16.
14. *Головнев А. В., Первалова Е. В.* Вожди обских угров и ненцев (по данным фольклора) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 115–122.
15. *Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* Вождества и другие среднесложные политии (аналоги) и их социально-политические институты // Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе : кол. монография / под ред. Л. Е. Гринина. М.: Учитель, 2019. С. 93–118.
16. *Зуев В. Ф.* Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов: материалы по этнографии Сибири XVIII в. // Труды Института этнологии. Новая серия. Т. 5. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 96 с.
17. *Зыков А. П., Кошаров С. Ф.* Древний Эмдер: посвящ. Исследователю Тобол. Севера С. К. Патканову. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

18. *История Сибири с древнейших времен до наших дней* : в 5 т. Т. 1: Древняя Сибирь. Л., 1968. 454 с.
19. *Книга Большому Чертежу*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
20. *Кобищанов Ю. М.* Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.: РОССПЭН, 1995. 320 с.
21. *Конигов Б. А.* К этносоциальной характеристике культур таежного Прииртышья VI – XIII вв. н. э. // *Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. С. 66–70.
22. *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности / отв. ред. Ю. С. Гришин. М.: Наука, 1984. 246 с.
23. *Костромин К. А.* Потестарность и христианизация Руси // *Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях*. 2017. Вып. 7. С. 93–107.
24. *Крадин Н. Н.* Власть в традиционном обществе // *Социологический журнал*. 2002. № 4. С. 46–60.
25. *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит. РАН, 1995. С. 11–61.
26. *Крадин Н. Н.* Политическая антропология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2004, 270 с.; 3-е изд. М.: Логос, 2011. 270 с.
27. *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 272 с.
28. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 684 с.
29. *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел: от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1750. 457 с.
30. *Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // *Финно-угры и балты в эпоху средневековья* / отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР / под общ. ред. Б. А. Рыбакова).
31. *Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шаиков А. Т.* Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.
32. *Патканов С. К.* Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // *Живая старина*. СПб., 1891. Вып. 3. С. 85 –116; Вып. 4. С. 67–108.
33. *Патканов С. К.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. СПб.: Изд. Русского Географического Общества (тип. С. Н. Худекова), 1891. 75 с.
34. *Перевалова Е. В.* Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.
35. *Перцев Н. В.* Аборигенные городки Нижнего Приобья XV–XVI вв.: торговый аспект // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 154–158.
36. *Попов П.* Остяцкие князья. 1864-1884 // *Русская старина*. СПб., 1890. Т. 68, № 11. С. 457–460.
37. *Свешников Н. А.* Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX – начале XX века // *Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*. Л., 1961. Т. 222. С. 67–99.
38. *Степанов Н. Н.* Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера и России // *Вопросы истории*. 1952. № 7. С. 74–88.
39. *Степанов Н. Н.* К вопросу об остяко-вогульском феодализме // *Советская этнография*. 1936. № 3. С. 19–35.
40. *Титов А. А.* Сибирь в XVII в.: сб. старин. рус. статей о Сибири и прилежащих к ней землях : с прил. снимка со старин. карты Сибири / сост. А. А. Титов. М.: Тип. Г. Юдин, 1890. 216 с.
41. *Фёдорова Н. В.* Два серебряных сосуда из района г. Сургута // *Советская археология*. 1982. № 1. С. 183–194.
42. *Фёдорова Н. В.* Повседневность, война и торговля в археологии севера Западной Сибири // *Уральский исторический вестник*. 2012. № 4 (37). С. 98–105.
43. *Фишер И. Э.* Сибирская история с самага открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Имп. Академия наук, 1774. 631 с.
44. *Хазанов А. М.* Классообразование: факторы и механизмы // *Исследования по общей этнографии*. М.: Наука, 1979. С. 125–177.

45. Carneiro R. The Chieftdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / ed. G. D. Jones and R. R. Kautz. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 37–79.
46. Oberg K. Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America // American Anthropologist. 1955. No. 57. P. 472–487.
47. Service E. R. Primitive Social Organization: an Evolutionary Perspective. New York: Random House, 1962. 221 p.
48. Service E. R. Origins of the State and Civilization: The process of cultural evolution. New York: Norton, cop. 1975. 361 p.
49. Schapera I. The Ethnic Composition of Tswana Tribes. London: London School of Economics Monographs on Social Anthropology, 1952. 199 p.

References

1. Abramov, NA 1857, 'Opisaniye Berezovskogo kraja' (Description of the Berezovsky region), *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* (Notes of the Russian Geographical Society), vol. 12, St. Petersburg, pp. 329–448. (In Russ.)
2. Babakov, VG 1988, 'Istoricheskoye mesto fratrii v strukture sotsial'nykh svyazey zapadnosibirskikh ugrov' (Historical place of fraternity in the structure of social relations of the West Siberian Ugrians), *Sovietskaya Etnografiya* (Soviet Ethnography), no. 3, pp. 36–47. (In Russ.)
3. Bakhrushin, SV 1935, *Ostyatskiye i vogul'skiye knyazhestva v XVI – XVII vekakh* (Ostyak and Vogul principalities in the 16th – 17th centuries), Izd-vo In-ta narodov Severa TSIK SSSR im. P. G. Smidovicha publ, Leningrad. (In Russ.)
4. Belyavskiy, F 1833, *Poyezdka k Ledovitomu moryu* (A trip to the Arctic Sea), Tip. Lazarevykh In-ta vost. yaz. publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bondarenko, DM 2000, '«Gomologicheskiye ryady» sotsial'noy evolyutsii i al'ternativy gosudarstvu v mirovoy istorii (postanovka problemy)' ("Homological series" of social evolution and alternatives to the state in world history (problem statement)), *Al'ternativnyye puti k tsivilizatsii* (Alternative pathways to civilisation), ed. N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. A. Lynsha, Logos publ, Moscow, pp. 198–206. (In Russ.)
6. Boyarshinova, ZYa 1960, *Naseleniye Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii (vidy khozyaystvennoy deyatel'nosti i obshchestvennyy stroy mestnogo naseleniya)* (Population of Western Siberia before the beginning of Russian colonisation (types of economic activities and social structure of the local population)), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk. (In Russ.)
7. Bromley, YuV 1983, *Ocherki teorii etnosa* (Essays on the Theory of Ethnicity), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
8. Butsin'skiy, PN 1893, *Kreshcheniye ostyakov i vogulov pri Petre Velikom* (Baptism of the Ostyaks and Voguls during the reign of Peter the Great), Tip. gub. Pravleniya publ, Khar'kov. (In Russ.)
9. Vasil'yev, LS 1981, 'Protogosudarstvo-chifdom kak politicheskaya struktura' (The proto-state-chieftdom as a political structure), *Narody Azii i Afriki*, no. 6, pp. 157–175.
10. Vasil'yev, LS 1980, 'Stanovleniye politicheskoy administratsii' (ot lokal'noy gruppy okhotnikov i sobirateley k protogosudarstvu-chifdom) (Formation of political administration (from a local group of hunters and gatherers to a proto-state-chieftdom)), *Narody Azii i Afriki*, no. 1, pp. 172–186. (In Russ.)
11. Viktorova, VD 1968, 'Pamyatniki lesnogo Zaural'ya X – XIII vv. n. e.' (Monuments of the forest Trans-Urals 10th – 13th centuries AD), *Uchenyye zapiski Permskogo universiteta*, no. 191, pp. 240–256. (In Russ.)
12. Golovnyov, AV 2009, *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Yevrazii)* (Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)), UrO RAN publ, Volot publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
13. Golovnyov, AV 2016, 'Antropologiya puteshestviya: ot imago mundi do selfie' (Anthropology of travel: from imago mundi to selfie), *Ural Historical Journal*, no.2 (51), pp. 6–16. (In Russ.)

14. Golovnyov, AV & Perevalova, YeV 2017, 'Vozhdi obskikh ugrov i nentsev (po dannym fol'klora)' (Leaders of the Ob Ugrians and the Samody (according to folklore)), *Tomsk State University Journal of History*, no. 49, pp. 115–122. (In Russ.)
15. Grinin, LYe & Korotayev, AV 2019, 'Vozhdestva i drugie sredneslozhnyye politii (analogi) i ikh sotsial'no-politicheskiye instituty' (Chiefdoms and other medium-complex polities (analogues) and their socio-political institutions), *Politogenez i istoricheskaya dinamika politicheskikh institutov: ot lokal'noy potestarnosti k global'noy mir-sisteme* (Politogenesis and Historical Dynamics of Political Institutions: From Local Potestate to Global World System), Uchitel' publ, Moscow, pp. 93–118. (In Russ.)
16. Zuyev, VF 1947, 'Opisaniye zhivushchikh Sibirskoy gubernii v Berezovskom uyezde inovercheskikh narodov ostyakov i samoyedov: materialy po etnografii Sibiri XVIII v'. (Description of Ostyaks and Samoyeds living in Berezovsky uyezd in Siberian province: materials on ethnography of Siberia in the XVIII century), *Trudy Instituta etnologii. Novaya seriya* (Proceedings of the Institute of Ethnology. New Series), vol. 5, Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
17. Zykov, AP & Koksharov, SF 2001, *Drevniy Emdr* (Ancient Emdr), Volot publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
18. Drevnyaya Sibir' (Ancient Siberia), *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney : v 5 t.* (History of Siberia from ancient times to the present day. In 5 vols) 1968, vol. 1, Leningrad. (In Russ.)
19. *Kniga Bol'shomu Chertezhu* (Large drawing) 1950, Izd-vo AN SSSR, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
20. Kobishchanov, YuM 1995, *Polyud'ye: yavleniye otechestvennoy i vsemirnoy istorii tsivilizatsiy* (Poludye: a phenomenon of domestic and world history of civilisations), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
21. Konikov, BA 1981, 'K etnosotsial'noy kharakteristike kul'tur tayezhnogo Priirtysh'ya VI – XIII vv. n. e.' (To ethno-social characterisation of the cultures of the taiga Priirtyshye of the 6th–13th centuries AD), *Metodologicheskiye aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri* (Methodological aspects of archaeological and ethnographic research in Western Siberia), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk, pp. 66–70. (In Russ.)
22. Kosarev, MF 1984, *Zapadnaya Sibir' v drevnosti* (Western Siberia in antiquity), ed. Yu. S. Grishin, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
23. Kostromin, KA 2017, 'Potestarnost' i khristianizatsiya Rusi' (A potestarity and the christianization of Russia), *Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* (Paleorosia. Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas), no. 7, pp. 93–107. (In Russ.)
24. Kradin, NN 2002, 'Vlast' v traditsionnom obshchestve' (Power in traditional society), *Sotsiologicheskii zhurnal* (Sociological journal), no. 4, pp. 46–60. (In Russ.)
25. Kradin, NN 1995, 'Vozhdestvo: sovremennoye sostoyaniye i problemy izucheniya' (Chieftaincy: current state and problems of study), *Ranniye formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* (Early forms of political organisation: from primitiveness to statehood), Vost. lit. RAN publ, Moscow, pp. 11–61. (In Russ.)
26. Kradin, NN 2004, *Politicheskaya antropologiya* (Political anthropology), Logos publ, Moscow. (In Russ.)
27. Kubbel', LYe 1988, *Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii* (Essays on post-state-political ethnography), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
28. Miller, GF 1937, *Istoriya Sibiri* (History of Siberia), vol.1, Izd-vo An SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
29. Miller, GF 1750, *Opisaniye Sibirskago tsarstva i vsekh proizshedshikh v nem del: ot nachala a osoblivo ot pokoreniya yego Rossiyskoy derzhave po sii vremena* (Description of the Khanate of Sibir and all the affairs that took place in it: from the beginning and especially from its subjugation to the Russian Empire up to these times), pri Imp. Akad. Nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
30. Mogil'nikov, VA 1987, 'Ugry i samodiytsy Urala i Zapadnoy Sibiri' (Ugrians and Samoyeds of the Urals and Western Siberia), *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* (Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages), ed. V. V. Sedov, Nauka publ, Moscow, pp. 163–235. (In Russ.)

31. Morozov, VM, Parkhimovich, SG & Shashkov, AT 1995, *Ocherki istorii Kody* (Historical Essays on The Principality of Kod), Volot publ, Yekaterinburgs. (In Russ.)
32. Patkanov, SK 1891, 'Starodavnnyaya zhizn' ostyakov i ikh bogatyri po bylinam i skazaniyam' (The ancient life of the Ostyaks and their bogatyrs according to bylinas and legends), *Zhivaya starina*, no.3, pp. 85 –116, no. 4, pp. 67–108, St. Petersburg. (In Russ.)
33. Patkanov, SK 1891, *Tip ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i skazaniyam* (The type of the Ostyak bogatyr according to Ostyak bylinas and legends), Izd. Russkogo Geograficheskogo Obshchestva (tip. S. N. Khudekova) publ, St. Petersburg. (In Russ.)
34. Perevalova, YeV 2019, *Obskiye ugry i nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'* (Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power), MAE RAN publ, St. Petersburg. (In Russ.)
35. Pertsev, NV 2018, 'Aborigennyye gorodki Nizhnego Priob'ya XV – XVI vv.: torgovyy aspekt' (Aboriginal small towns of the lower Ob of the 15th – 16th centuries: the trade aspect), *Tomsk State University Journal of History*, no. 426, pp. 154–158. (In Russ.)
36. Popov, P 1890, 'Ostyatskiye knyaz'ya 1864 – 1884' (Ostyak princes 1864 – 1884), *Russkaia starina* (Russian Antiquity), vol. 68, no. 11, St.Petersburg, pp. 457–460 (In Russ.)
37. Sveshnikov, NA 1961, 'Obshchestvennyy stroy narodov Nizhnego Priob'ya v kontse XIX – nachale XX veka' (Social order of the peoples of the Lower Priobie in the late 19th-early 20th century), *Uchenyye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena*, vol. 222, Leningrad, pp. 67–99. (In Russ.)
38. Stepanov, NN 1952, 'Istoricheskoye znachenie prisoyedineniya narodnostey Kraynego Severa i Rossii' (Historical significance of the accession of the peoples of the Far North and Russia), *Voprosy istorii* (Questions of History), no.7, pp. 74–88. (In Russ.)
39. Stepanov, NN 1936, 'K voprosu ob ostyako-vogul'skom feodalizme' (On the question of Ostyak-Vogul feudalism), *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), no. 3, pp. 19–35. (In Russ.)
40. Titov, AA 1890, *Sibir' v XVII v.* (Siberia in the 17th century) Tip. G. Yudin publ, Moscow. (In Russ.)
41. Fyodorova, NV 1982, 'Dva serebryanykh sosuda iz rayona g. Surguta' (Two silver vessels from the Surgut district), *Sovetskaya arkhologiiya*, no. 1, pp. 183–194. (In Russ.)
42. Fyodorova, NV 2012, 'Povsednevnyy', voyna i torgovlya v arkhologii severa Zapadnoy Sibiri' (Everyday life, war and trade in the archaeology of the north of Western Siberia), *Ural Historical Journal*, no. 4 (37), pp. 98–105. (In Russ.)
43. Fisher, IE 1774, *Sibirskaya istoriya s samago otkrytiya Sibiri do zavoyevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiyem* (Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian arms), Imp. Akademiya nauk publ, St.Petersburg. (In Russ.)
44. Khazanov, AM 1979, 'Klassoobrazovaniye: faktory i mekhanizmy' (Class formation: factors and mechanisms), *Issledovaniya po obshchey etnografii* (Studies in general ethnography), Nauka publ, Moscow, pp. 125–177. (In Russ.)
45. Carneiro, R 1981, 'The Chieftdom: Precursor of the State', *The Transition to Statehood in the New World*, ed. G. D. Jones and R. R. Kautz. Cambridge University Press publ, Cambridge, pp. 37–79.
46. Oberg, K 1955, 'Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America', *American Anthropologist*, no. 57, pp. 472–487.
47. Service, ER 1962, *Primitive Social Organization: an Evolutionary Perspective*, Random House publ, New York.
48. Service, ER 1975, *Origins of the State and Civilization: The process of cultural evolution*, Norton publ, New York.
49. Schapera, I 1952, *The Ethnic Composition of Tswana Tribes*, London School of Economics Monographs on Social Anthropology publ, London.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2023
Одобрена после рецензирования: 05.12.2023
Принята к публикации: 18.12.2023

The article was submitted: 17.11.2023
Approved after reviewing: 05.12.2023
Accepted for publication: 18.12.2023